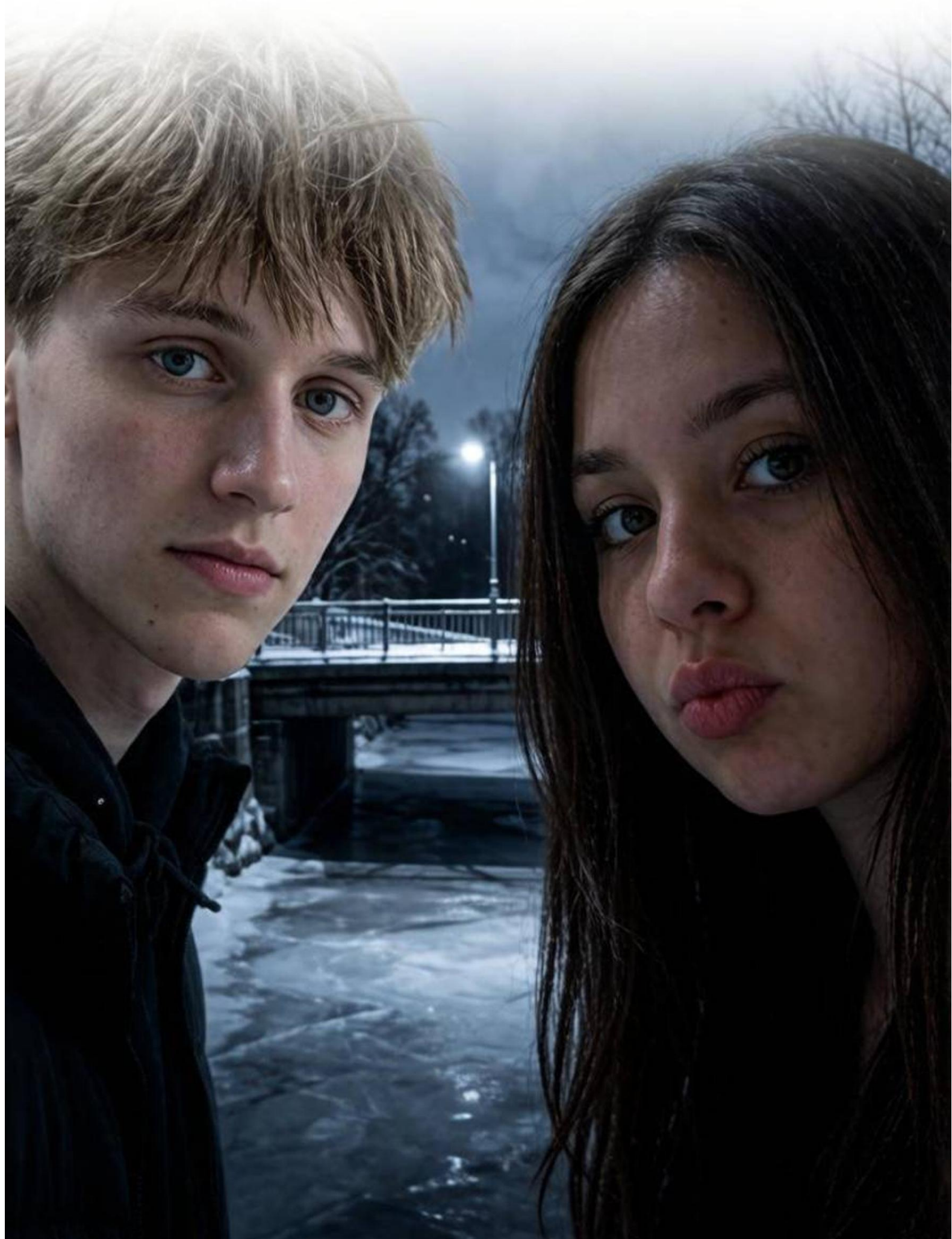

ТЫ — МОЁ СПАСЕНИЕ

Милла Алексеева

Ты- мое спасение

«Автор»

2026

Алексеева М.

Ты- мое спасение / М. Алексеева — «Автор», 2026

Ей 14. Ему 17. Между ними — три класса и целая пропасть непонимания. Семён Ерофеев случайно спас семиклассницу Леру от самой себя, даже не зная об этом. Но она помнит этот день, как вчерашний. Когда прошлое снова тянет её на дно, случайности заканчиваются. Второго шанса может не быть ни у него, ни у неё.

© Алексеева М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8

Милла Алексеева

Ты- мое спасение

Пролог

Это любовь

Двадцать девятого декабря я сидела за кулисами актового зала и переключала песни на стареньком ноутбуке. Экран светился в полумраке, кулер негромко гудел, а из колонок доносились басы, от которых слегка вибрировал стол. В самом зале мигали разноцветные огни, девятиклассники танцевали, кричали друг другу что-то через музыку и время от времени просили поставить очередную песню.

Мы с ребятами из школьного музыкального театра проводили для них новогоднюю «Песню года», а после этого устроили небольшую дискотеку, но веселиться особо не получалось: нужно было следить за плеейлистом, аппаратурой и порядком.

Впрочем, мне нравилось сидеть за кулисами. Здесь было спокойнее. Можно было спрятаться за экраном ноутбука и наблюдать за праздником со стороны, словно я не участвовала в нем, а смотрела фильм.

Ко мне подошла одна из девочек из театра. Она наклонилась к ноутбуку и принялась искать что-то среди загруженных треков.

— Давай следующую песню – медляк,- предложила она.- Вон, я как раз скачала «Это любовь», Скриптонит.

Я нашла нужный файл и навела курсор на кнопку воспроизведения. До конца текущей песни оставалось чуть больше минуты.

Совсем рядом, за моей спиной, разговаривали двое парней из театра. Одним из них был Семен Ерофеев. Высокий одиннадцатиклассник со спортивной фигурой, короткими светлыми волосами и голубыми глазами. Он был из тех людей, которых замечаешь сразу, даже если очень стараешься не смотреть в их сторону. Семен умел держаться легко и уверенно, будто в любом месте чувствовал себя своим.

— Ты кого позовешь? – спросил он у рядом стоящего парня.

Ответ потонул в музыке. Я продолжала смотреть на экран, хотя теперь прислушивалась к их разговору гораздо внимательнее, чем следила за плеейлистом.

— А ты будешь кого-нибудь звать? – донесся ответный вопрос.

Семен повернул голову в мою сторону и достаточно громко, чтобы я точно услышала, сказал:

— А я вон Лерку позову.

Я резко обернулась. Семен смотрел прямо на меня. На его лице играла такая невозмутимая улыбка, будто он только что сообщил нечто совершенно обыденное. Не зная, как скрыть смущение, я шутливо показала ему кулак: только попробуй. Потом сразу отвернулась к ноутбуку. Мои глаза расширились от шока. *Он серьезно?*

Сердце забилось быстрее. Я смотрела на последние секунды трека, и мне казалось, что цифры на экране отсчитывают время до какого-то невероятно важного события. Ладони внешне стали влажными, а пальцы- непослушными. Быстрая песня закончилась. На несколько мгновений в колонках воцарилась тишина. Я нажала на клавишу мыши.

Зал наполнили первые звуки «Это любовь». Яркий свет сменился приглушенным, и разноцветные блики медленно поплыли по стенам и лицам. Вокруг елки, которая находилась в центре актового зала и была высотой в потолок, начали собираться пары.

Семен отошел от стены, подошел ко мне, достал мою руку из-под стола и потянул за собой со словами:

— Ну что, Лерка, пошли.

Я подняласт со стула, сердце бешено заколотилось. Проходя мимо моего друга Миши, я слышала:

— У нас новая парочка?

Парочка. От этих слов ноги подкосились еще сильнее.

Пальцы Семена сомкнулись вокруг моих. Мы вышли из-за кулис, но пар мальчик-девочка я не увидела. Только девочки кружились со своими подругами, а парни разошлись по стенам и тихо переговаривались, посматривая на этот девчачий бал. Мне казалось, что на нас смотрят абсолютно все, хотя никому не было до нас дела.

Семен привел меня в самый центр зала.

— Ну и как тебя брать?

Я осторожно положила ладони ему на плечи, а он мне на талию. Он был чуть выше меня, поэтому мне не приходилось сильно поднимать голову, чтобы видеть его лицо. В разноцветном свете его глаза казались то голубыми, то серыми, то бирюзовыми. От одного осознания, что мы действительно стоим здесь вместе, внутри все сжималось и покалывало.

Первые несколько секунд я двигалась почти механически, боясь сделать глупое движение или наступить ему на ногу. Не знала, куда смотреть: ему в глаза, куда-то за его плечо или себе под ноги. Сердце колотиломь таксильно, что мне казалось, будто Семен непременно его услышит. Он наклонился немного ближе и с улыбкой произнес:

— Главное, чтобы никто не узнал, что ты в седьмом классе.

Я посмотрела на него и не удержалась от смешка.

— Тебя посадят.

Семен помотал головой: не-а. Напряжение сразу стало слабее. Напротив меня был уже не страшный одиннадцатиклассник, рядом с которым я боялась пошевелиться, а знакомый парень из театра. Тот самый, с которым можно было шутить и дурачиться.

Некоторое время мы просто покачивались в такт музыке. Потом Семен вдруг посмотрел мне куда-то за спину и едва заметно кивнул, предлагая: обернись. Я повернула голову.

Позвди нас танцевали двое девятиклассников. Вернее, то, что они делали, трудно было назвать танцем. Они невыносимо смешно мотались из стороны в сторону, едва удерживаясь на ногах, будто были пьяными или изображали людей на корабле во время сильнейшего шторма. Я приснула со смеху.

— Плохо у туалетов ты дежурил,- сказала я Семену.

Как дежурный старшеклассник он должен был следить за порядком, но, судя по танцующим позади нас девятиклассникам, со своей задачей справлялся не слишком хорошо.

Семён снова посмотрел на них, потом на меня. В его глазах вспыхнуло озорство.

— А давай так же?

Не дожидаясь ответа, он начал нарочито сильно раскачиваться из стороны в сторону, подражая тем парням. Я тут же подхватила его игру. Через несколько секунд мы уже совершенно забыли, что должны танцевать красивый медленный танец. Мы нелепо мотались из стороны в сторону и смеялись, стараясь превзойти девятиклассников. Вокруг продолжала звучать песня о любви, пары медленно кружились под цветными огнями, а мы дурачились посреди зала. И почему-то именно тогда мне стало по-настоящему хорошо. Не потому, что меня пригласил на танец популярный старшеклассник. И даже не потому, что его руки всё ещё лежали на моей талии. Просто рядом с Семёном мне вдруг стало легко. На несколько минут исчезли тревожные мысли, неуверенность и привычное желание спрятаться от всех за кулисами. Остались музыка, смех и странное покалывание в животе.

Закончились последние строчки песни. Семён остановился, но ещё несколько секунд мы продолжали смотреть друг на друга и улыбаться. Я чувствовала, как меня переполняют эмоции, которым я пока не умела давать названия.

— Спасибо, — быстро пробормотала я.

Улыбнулась ему и почти сразу убежала за кулисы. Там я прислонилась спиной к стене и попыталась перевести дыхание. Сердце всё ещё билось где-то в горле, щёки горели, а руки слегка дрожали. Хотелось одновременно смеяться, кричать и спрятаться так, чтобы никто не видел моего счастливого лица.

Ко мне подошла та самая девочка, которая предложила включить медляк.

— Как так получилось, что ты с Ерофеевым танцевала?

Я посмотрела на неё и только пожала плечами. Я и сама не знала.

Из зала уже доносилась следующая песня. Кто-то просил меня вернуться к ноутбуку, но я ещё несколько секунд оставалась у стены, пытаясь осознать произошедшее. Мне казалось, будто за моей спиной выросли огромные невидимые крылья. Ещё мгновение — и я оторвусь от пола, поднимусь над кулисами, над сценой, над всей школой. В тот вечер я ещё не знала, чем закончится эта история.

Я знала только одно.

Кажется, я влюбилась.

Глава 1

Снегурочка и Ерофеев

За несколько недель до дискотеки я ещё не была влюблена в Семёна Ерофеева. По крайней мере, именно так я потом объясняла всё самой себе. Он просто казался мне симпатичным. Просто иногда задерживал на мне взгляд. Просто шутил со мной немного чаще, чем с остальными. И если я невольно искала его среди ребят перед каждой репетицией, то исключительно потому, что он был заметным человеком. Высокий голубоглазый блондин среди толпы сонных школьников — попробуй не заметить. Никакой влюблённости. Наверное.

В тот день мы готовили номер школьного музыкального театра для КВН. После уроков актовый зал выглядел совсем иначе, чем во время концертов. В зрительном зале горела только половина ламп, на сцене валялись провода, листы с неполным сценарием и какие-то старые декорации, которые никто не решался выбросить. Из колонок время от времени раздавался обрывок музыки, после чего кто-нибудь кричал:

— Нет, не с этого места! Перемотай назад!

И всё начиналось сначала.

Я сидела на краю сцены и болтала ногами, пока руководительница театра пыталась собрать нас в одном месте. Кто-то продолжал разговаривать, кто-то листал телефон, а один из мальчишек зачем-то надел на себя бороду Деда Мороза и изображал древнего старика.

— Ребята, внимание! — в очередной раз позвала Людмила Алексеевна. — Нам нужно разделиться на пары. В каждой будут Дед Мороз и Снегурочка.— По залу тут же прокатилась волна голосов.

Все начали переглядываться, договариваться и шутливо спорить, кому с кем вставать. Я осталась сидеть на месте. В таких ситуациях мне всегда хотелось сделаться незаметной и дожждаться, пока кто-нибудь решит всё за меня. Подойти к человеку первой и предложить встать в пару казалось почти невозможным. Я опустила глаза, разглядывая носки своих кроссовок.

— Я с Леркой буду, — вдруг раздалось неподалёку.

Я подняла голову. Это сказал Семён. Он стоял в нескольких шагах от сцены, засунув руки в карманы темно-синих джинс, и смотрел прямо на меня. Казалось, он даже не раздумывал над выбором — просто назвал моё имя, будто заранее всё решил.

— Со мной? — Переспросила я, на всякий случай оглянувшись.

В театре была не одна Лера и мне понадобилось убедиться, что он обращается именно ко мне.

— Нет, которая позади тебя стоит,— невозмутимо ответил Семён.

Я обернулась. Позади меня находился только открытый занавес.

— Очень смешно.

— Я стараюсь.

Он улыбнулся, а я поспешно отвернулась, чтобы никто не заметил, как эта улыбка отозвалась странным теплом внутри.

Он выбрал меня. Я тут же одёрнула себя. Ничего особенного не произошло. Возможно, остальные уже успели разбиться на пары. Возможно, Семёну просто было всё равно, с кем выступать. Возможно, он назвал первое попавшееся имя.

Но сколько бы разумных объяснений я ни придумывала, одна мысль продолжала звучать громче остальных: Из всех девочек он выбрал именно меня.

Нам выдали костюмы. Мне досталась голубая шапочка, украшенная белым искусственным мехом, и длинная блестящая накидка. Она была немного велика и постоянно сползала с плеч. Семён натянул красную шапку, которая сидела на нём слегка криво, и приложил к подбородку пушистую белую бороду.

— Ну как? — спросил он, расправляя плечи. — Похож на настоящего Деда Мороза?

Я осмотрела его с нарочито серьёзным видом.

— Нет.

— Почему?

— Слишком молодой.

— Это комплимент?

— Это диагноз.

— Понятно. Какая злая Снегурочка мне досталась.

Он скорбно покачал головой, но по его глазам было видно, что ответ ему понравился. Улыбнувшись, я поправила накидку. Она сразу снова съехала набок.

— Стой, — сказал Семён.

Он подошёл ближе и потянулся к моему плечу. Я замерла, не понимая, что он собирается делать. Семён поправил край накидки, расправив перекрутившуюся ткань.

— Вот теперь нормально.

— Спасибо, — пробормотала я.

Это было совершенно обычное движение. Он всего лишь поправил часть костюма. Но ещё несколько секунд я продолжала чувствовать на плече тепло его пальцев.

Людмила Алексеевна повторила каждой паре, какую шутку она говорит и включила "Кадриль". Сначала пары должны были пройти по сцене, затем повернуться друг к другу, взяться за руки и несколько раз прокружиться. Потом встать в позу вальса и, проходя по краю сцены двигаться в сторону кулис, говоря каждый свою шутку.

На объяснении всё выглядело легко. На деле мы постоянно сталкивались, путались в направлениях и наступали друг другу на ноги.

— Семён, в другую сторону! — Крикнула руководительница.

— Я иду в правильную!

— Ты рано увёл Леру за кулисы! Ваша музыка не закончилась еще!

Мы остановились почти у самого занавеса. Я посмотрела на Семёна и не выдержала — рассмеялась. Он сохранял серьёзное выражение лица ещё секунды две, а затем тоже засмеялся.

— Это был авторский вариант, — заявил он. — Мы должны выделяться.

— Особенно когда случайно уйдём со сцены.

— Не случайно. Загадочно.

Музыку запустили сначала. На этот раз Семён протянул мне обе руки.

— Давай, Снегурочка. Попытка номер два.

Я вложила ладони в его руки. Они оказались тёплыми, несмотря на то что в актовом зале было прохладно. Мы начали двигаться медленнее, внимательно следя друг за другом.

— Раз, два, три, поворот, — тихо считал Семён.

— Я и сама помню.

— Тогда почему опять идёшь не туда?

— Потому что ты меня неправильно ведёшь.

— Удобно всё свалить на Деда Мороза.

— Его работа — исполнять желания. Моё желание — не упасть со сцены.

Он усмехнулся и сжал мои пальцы чуть крепче, помогая удержать равновесие во время поворота. На следующем круге всё наконец получилось. Мы синхронно остановились, повернулись друг к другу и замерли в нужной позе.

— Вот! — обрадовалась руководительница. — Лера и Семён, запомните, как сейчас делали.

Мы переглянулись с таким видом, будто только что совершили нечто невероятное.

— А я говорил, что мы профессионалы, — прошептал Семён.

— Ты этого не говорил.

— Но думал.

С каждой новой попыткой становилось легче. Я перестала бояться ошибиться и начала получать удовольствие. Даже когда мы снова путали движения, Семён превращал это в шутку. Он то изображал почтенного старика, держась за спину, то начинал кружить меня слишком торжественно, словно мы находились не на школьной сцене, а на настоящем балу. Я смеялась так много, что под конец репетиции у меня заболели щёки.

Раньше Семён казался мне далёким. Он учился в одиннадцатом классе, уверенно держался на сцене, чудесно пел и легко разговаривал со всеми. Рядом с ним я особенно остро ощущала себя семиклассницей, которая случайно оказалась среди старших. Но во время той репетиции расстояние между нами словно исчезло. Он больше не был просто голубоглазым Ерофеевым, которого я замечала в школьных коридорах. Теперь у нас были общие шутки, неудачные повороты и наш собственный «авторский вариант» танца.

Когда репетиция закончилась, ребята начали расходиться. Я сняла голубую шапочку и попыталась аккуратно сложить накидку. Получалось плохо: блестящая ткань постоянно разворачивалась и выскальзывала из рук.

— Давай сюда, — сказал Семён.

— Я сама.

— Я вижу.

Он забрал накидку и сложил её за несколько движений. Получившийся свёрток был далёк от идеала, но хотя бы не распадался.

— Вот.

— Спасибо, Дедушка Мороз.

— Не за что, внучка.

— Никогда больше меня так не называй.

— Хорошо, внучка.

Я несильно ударила его свёрнутой накидкой по плечу. Семён рассмеялся и прикрылся бородой Деда Мороза, как щитом.

— Нападение на пожилого человека! Свидетели есть?

— Никто тебе не поверит.

— Почему?

— У тебя борода на резинке.

В этот момент нас позвали помочь убрать реквизит. Мы разошлись в разные стороны, но все равно я продолжала украдкой смотреть на Семёна. Несколько раз наши взгляды встречались. Каждый раз он едва заметно улыбался, а я сразу находила себе какое-нибудь очень важное занятие: поправляла костюмы, собирала листы или делала вид, что внимательно изучаю сценарий.

Позже, уже по дороге домой, я снова и снова прокручивала репетицию в голове. То, как Семён без раздумий назвал моё имя. Как поправил мою накидку. Как держал меня за руки и тихо считал шаги. Как мы смеялись, оказавшись почти за кулисами. Наверное, для него это был обычный вечер. Одна репетиция среди десятков других. Простые шутки, которые он забудет уже к следующему утру. Но я помнила каждую мелочь.

Дома я бросила рюкзак возле кровати и подошла к зеркалу. На меня смотрела всё та же девочка: растрёпанные, темно-медные от покраски волосы, уставшее лицо, обычная школьная

кофта, глубокие, почти черные, карие глаза. Никаких видимых изменений. И всё же что-то было иначе.

Я ещё не называла это влюблённостью. Не позволяла себе. Просто вспоминала голубые глаза Семёна и ловила себя на том, что улыбаюсь собственному отражению.